

REVIEWS

РЕЦЕНЗІЇ

DOI: 10.15421/272114

В. И. Оноприенко*, В. С. Савчук**

**Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки
им. Г. М. Доброва НАН Украины, Киев, Украина.*

***Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепр, Украина.*

НАУЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

E-mail: valonopr@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0761-4075>

E-mail: varfolomey44@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-7567>

В годы, указанные на обложке книги, происходила великая трагедия России, затронувшая все слои общества и регионы, весь вековой уклад государства. Все тяготы времени в полной мере сказались на науке, её учреждениях, учёных и профессуре университетов: холод, голод, нищета, ежедневная угроза жизни, массовое вымирание, высылки за рубеж, попытки перейти границу на свой риск, вплоть до самоубийства, доведенных до отчаяния людей. Всё это присутствует в книге в зеркале трезвой аналитики и бередящих душу эгодокументов очевидцев. Но главный смысл книги в том, что именно в 1917–1922 гг. была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики по производству знания и организована сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая

функционирование и развитие науки и образования до настоящего времени. В качестве модельных объектов для анализа используются Академия наук и научные общества, которые дают разноплановый материал для выводов о стратегии взаимоотношений научно-педагогического сообщества со сменяющимися властями и обществом с целью сохранения и умножения научного потенциала страны как основы ее поступательного развития.

В основу монографии положен комплекс разнообразных по своему составу и содержанию исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Фактически пришлось кардинально пересматривать и пополнять историографическую базу исследования.

¹ Колчинский Э. И., Синельникова Е. Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. СПб.: Скифия-принт, 2020. 276 с.

В трудах по истории РАН в 1917–1922 гг. обычно делался акцент на положительных эффектах её сотрудничества с советским правительством и особенно на решающей роли В. И. Ленина в организации советской науки. Были изданы сборники документов, раскрывавших важные детали этих процессов. В те же годы за рубежом доминировала литература о пагубном воздействии советской власти на развитие отечественной науки в годы Гражданской войны. В значительной степени она основывалась на мемуарной литературе эмигрантов. С начала 1920-х гг. в научный оборот был введен большой массив дневников и воспоминаний участников тех событий. Здесь особое место занимают 22 тома «Архива русской революции» (1921–1937).

В книге «Русская школа и университеты в мировой войне», изданной в 1929 г. в США историком и министром великорусских дел в правительстве Украинской народной республики Д. М. Одинцом и юристом и философом, профессором Московского университета П. И. Новгородцевым, одним из главных идеологов Белого движения, затрагивается и деятельность членов академии в российских университетах и политехнических институтах в первый год Гражданской войны. Вышедшая в год «Великого перелома» книга эмигрантов не привлекла внимания советских историков науки и образования в силу понятных причин, а западным ученым, пытавшимся выжить в Великой депрессии, было не до прошлых событий далекой России. В итоге эта книга достаточно редко упоминается в литературе, хотя до сегодняшнего дня остается одной из наиболее удачных попыток дать коллективный образ науки и высшей школы в годы Первой мировой войны.

После Второй мировой войны в США были изданы мемуары академика В. Н. Ипатьева и ректора Московского университета М. М. Новикова, подробно освещавшие мотивы научной элиты страны, пошедшей на сотрудничество с советским правительством, но в конечном счете оказавшейся в эмиграции.

Противоречивый путь адаптации российской науки к новым реалиям освещался в книгах американских историков науки, занимавшихся историей АН СССР и опиравшихся на новые архивные источники, а также опубликованные в СССР исследования. Из них можно почерпнуть, как устанавливался технократический симбиоз ведущих естествоиспытателей и советских руководителей в годы революции и Гражданской войны.

Изданные дневники В. И. Вернадского раскрыли сложную эволюцию отношений этого крупнейшего ученого к противостоящим режимам и сообщили много ценных сведений об участии членов РАН в организации научных учреждений в регионах, контролируемых несоветскими правительствами. Дневниковые записи В. И. Вернадского уникальны и масштабом описываемых событий: покинув Петроград в ноябре 1917 г. и проведя большую часть времени в различных регионах юга России, он продолжал играть важную роль в организации науки на территориях, не подвластных большевикам, сотрудничал с сотнями крупных ученых и высшими представителями различных правительств.

Эпистолярное наследие академиков В. М. Истрина, В. Н. Перетца, Е. Ф. Карского, Н. П. Кондакова, А. А. Маркова, К. А. Поссе, А. И. Соболевского, Е. В. Тарле, А. А. Шахматова и членов-корреспондентов К. Я. Грота, П. А. Лаврова, Н. П. Лихачева, Б. М. Ляпунова, Н. К. Никольского, М. Н. Сперанского, А. И. Томсона, В. А. Францева, К. В. Харламповича и др. позволило лучше представить морально-психологическое состояние академической элиты в годы Гражданской войны. По их письмам можно судить о её реакции на требования властей безусловной политической лояльности и административного подчинения, о степени её готовности к сопротивлению, компромиссу и конформизму, о её приверженности академическим традициям.

Фрагменты книги, посвященные драматическим событиям конца Временного правительства и ноября 1917 г., читаются без отрыва внимания, залпом, настолько они свежи и интересны. Большая их часть написана как раз на основе свидетельств самих учёных, только часть из них недавно опубликована.

Резкое по тону заявление РАН от 21 ноября 1917 г. осталось практически единственным коллективным выступлением самой академической корпорации против нового строя. Вся совокупность архивных материалов, не считая документов персонального происхождения, свидетельствует о том, что в дальнейшем РАН не только избегала открытой конфронтации с властями, но и всячески демонстрировала готовность к диалогу и сотрудничеству³⁶. Возможно, это связано с тем, что в тот же день, когда состоялось оглашение на Общем собрании РАН письма к ученым, первым комиссаром РАН, а с 8 декабря и комиссаром отдела Наркомпроса по научным и учебным заведениям, был назначен историк И. В. Егоров – выпускник историко-филологического факультета, готовивший до войны магистерскую диссертацию под руководством крупного палеографа профессора И. А. Шляпкина. И. В. Егоров с уважением относился к ученым. Он не посягал на автономию и самоуправление академиков и старался им помочь, взяв на себя функцию их защитника от революционных масс в дни их разгула. Так было в случае с А. А. Шахматовым, которого отправляли на ночные дежурства во дворе академии в качестве подсобного рабочего, а сторожа еще поговаривали, что «надо бы попросту передушить или перерезать лодырей-ученых, «разных академиков и профессоров», только зря хлеб переводят, не работая». Назначением Егорова правительство, с одной стороны, подавало знак доброй воли, ограждая ученых от ежедневных столкновений с пришедшими во власть радикалами, а с другой – демонстрировало, что лучше забыть о претензиях на независимость и озаботиться сохранением академии. Сигнал властей был понят. Участь Парижской Академии наук, ликвидированной во время Великой Французской революции и потерявшей половину своих членов на гильотине, была известна руководителям РАН. Они осознавали, что академия может не уцелеть, а значит игнорировать жесты дружелюбия со стороны власть предержащих неразумно.

Финансовое положение профессорско-преподавательского корпуса Петроградского университета, в составе которого было много членов Академии наук, к началу января стало критическим. При отсутствии контактов с властью финансирование университета прекратили, выплаты личному составу не производили, и оставленный без государственной поддержки центр отечественной науки и образования оказался просто никому не нужен, кроме интеллигенции.

На состоявшемся в феврале совещании представителей РАН и ректоров высших учебных заведений центральным был вопрос о «вступлении в деловые отношения с властью, распоряжающейся финансами государства», и было принято, что таковых отношений избежать невозможно. Не приняв Октябрьскую революцию, академики оказались восприимчивы к призывам ее вождей включиться в государственную работу, связанную с экономическим и культурным развитием. Срабатывал веками культивируемый образ чистой науки, служащей народу и человечеству и не вовлеченной при этом в политику. Отвергая идеологию и практику большевиков, все большее число академиков склонялись к сотрудничеству с ними, при условии, что власть не станет вмешиваться в науку и в дела академии. Личные связи руководителей РАН с большевистскими лидерами, прежде всего С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным, вселяли надежду, что в обмен на политическую лояльность власть не тронет академию. Члены академии были готовы, следуя советам В. А. Стеклова, *бросить раз навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжать деловую ученую работу.*

Вывод авторов книги: «Многие академики были озабочены просто элементарным выживанием, что облегчало их подчинение властям. Пока же они начинали сотрудничать с властью *«без удовольствия»*, относясь к ее действиям с подозрением и скрытой враждебностью. Разногласие в оценках Октябрьской революции, конечно, в академическом сообществе было не так велико, как среди творческой интеллигенции. Практически никто из ученых не воспринял революцию как «свою», наподобие В. В. Маяковского, и не считал ее, вслед за Дж. Ридом, событием всемирного значения. Для них, скорее, была близка ее оценка В. В. Розановым как занавеса, опустившегося с грохотом и лязгом над русской историей и ставшего истинным началом железного века,

по определению А. А. Ахматовой, и «окаянными днями» для И. А. Бунина. Но были и такие, кто, подобно А. А. Блоку, усмотрел в происходящем неумолимый ход истории и даже некую «космическую музыку сфер». Как проявление геологического процесса оценивал ее Вернадский. Многоголосие оценок событий конца 1917 г. предопределяло и диапазон выбора индивидуальных практик и поведения с властными структурами, которые руководители РАН должны были по возможности привести к некоему общему знаменателю, чтобы и РАН сохранить, и раскола избежать, и провести нужное решение через Общее собрание» (с. 116–117).

В начале 1920-х гг. в журналах «Природа», «Наука и ее работники», «Книга и революция» публиковались короткие заметки о науке в российских регионах, в том числе и позитивные новости оживления науки и образования на некоторых территориях, не контролируемых властью большевиков, причастности к научным событиям академических сотрудников. В частности, В. И. Вернадский писал о расцвете исследовательской деятельности в Крымском университете и поддержке работ КЕПС в Крыму.

Выяснение механизмов трансформации мотивации ученых и их внутренней этики, динамики кадрового состава академического и профессорско-преподавательского корпуса, бурной институционализации науки дало возможность проследить роль предшествовавшей мобилизации науки в годы Первой мировой войны в выработке нового самосознания российского научного сообщества в годы революции и Гражданской войны. Изменения, произошедшие в изучаемый период, позволили приступить к созданию государственной сети научно-исследовательских институтов, ориентировать исследования на выполнение правительственных заданий, пересмотреть соотношение фундаментального и прикладного знания в пользу последнего, усилить связь фундаментальной науки и образования, сформировать новую систему общенациональных научных обществ. В ходе исследования было выяснено, как ключевые научные институты при поддержке правительственных ведомств обеспечили единство научно-прикладных исследований в масштабах всей страны и переход к государству главной функции в финансировании исследований, в их централизованном планировании и в внедрении системы правительственных заказов в науке.

Работа выполнена на основе материалов из Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук и его Санкт-Петербургского филиала, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и др., а также опубликованных источников, отчетов и протоколов научных учреждений и обществ, материалов периодической печати и воспоминаний, дневников и писем ученых, существенно возросших за последние три десятилетия.

Особое значение имеет осуществленный в работе качественный анализ законодательно-правовых актов изучаемого периода, фиксируется их своевременность и достаточность, хотя часть из них направлена против автономии науки и образования.

В первой части книги, хронологически охватывающей период с 1917 г. до января 1919 г., дан комплексный анализ процессов самоорганизации науки в условиях ожесточенной Гражданской войны на большей части территории бывшей Российской империи, подконтрольной разным правительствам. На основе протоколов Общего собрания РАН и годовых отчетов, правительственных постановлений 1917–1919 гг., а также других официальных источников и эгодокументов (мемуары, письма и дневники академиков) показано, что создание новых научных учреждений детерминировалось прежде всего задачами выживания ученых, стремившихся заручиться поддержкой властей и общества в условиях политической нестабильности, военных действий, репрессий, голода, эпидемий и отсутствия элементарных условий для проведения исследований и обучения. В свою очередь, правительства, как правило, были готовы оказать содействие ученым, нуждаясь в их политической поддержке, результатах их работы, а также в собственном самоутверждении. Новые учреждения создавались, в основном, по инициативе ученых, которые обычно использовали планы, разработанные

академическим сообществом задолго до 1918 г., но так и не реализованные в имперский период, а также опыт организации науки, выработанный в годы Первой мировой войны.

Вторая часть книги посвящена анализу деятельности научных обществ и взаимоотношениям со сменяющейся государственной властью в 1917–1922 гг. Материал ее крайне важен для понимания, как возникала и расширялась сеть новых исследовательских учреждений.

Научные общества, как одна из форм самоорганизации ученых, продолжили свое существование в условиях революции и гражданского противостояния. Для таких организаций, как и для всего научного сообщества, главными в этот период оставались вопросы выживания, т. е. получение субсидий, оплата труда штатных сотрудников, обеспечение сохранности музеев и библиотек, поиски средств для издания трудов, оплата хозяйственных расходов, наличие помещений и т. п. В новых политико-экономических условиях для обществ практически единственным источником средств было государство, зависимость от которого стала всеобъемлющей. В эти годы советская власть выстраивала свои взаимоотношения с научным сообществом двумя способами: с одной стороны, путем оказания поддержки, с другой – введения запретов и применения репрессивных мер. Финансовая и материальная поддержка, так же как и до революции, была дифференцированной. Стоит отметить, что формы и направления деятельности научных обществ в значительной мере могли быть скорректированы путем урезания ассигнований, однако в тот период власть еще не стремилась жестко регламентировать и контролировать содержание научной работы обществ.

Окончание Гражданской войны и переход к нэпу привели к значительному оживлению деятельности научных обществ. У них появилась возможность расширить свою деятельность: вернуться к работе «в поле», вновь проводить профессиональные съезды. Со стороны власти эти мероприятия получали одобрение и на их проведение выделялись дополнительные средства. Однако уже начинала набирать силы репрессивная тенденция во взаимоотношениях с научными обществами. Если в первые послереволюционные годы власть не препятствовала созданию новых подобных организаций и не закрывала в приказном порядке те из них, что уже функционировали, то начавшаяся после введения новых законодательных актов 1922 г. кампания по перерегистрации общественных организаций должна была стать определенным фильтром для них. Деятельность суждено было продолжить только тем обществам, которые соответствовали представлению власти о новой советской науке. Несмотря на тяжелейшие условия социально-экономического кризиса, научной корпорации удалось не только сохранить, но даже укрепить своё положение в государстве и обществе. В ходе социально-политических потрясений менялось самосознание ученых, эволюционировали формы и содержание их деятельности, налаживались новые связи научного сообщества с властями. Порождаемые реалиями времени, появились структурные и организационные новации, приведшие к возникновению сети научных учреждений и обществ во многих регионах, что в итоге благоприятно сказалось на потенциале отечественной науки.

Приняв представления ученых о науке как основе ускоренной модернизации страны, большевики оставили внутреннее управление лишь РАН и некоторым научным обществам, готовым сотрудничать с советской властью и решать задачи возрождения промышленности и сельского хозяйства. Для существовавших в системе науки общественных организаций ученых – научных обществ – это выражалось, в частности, в создании новых структурных единиц прикладного характера.

В книге отмечается, что декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. положил конец притязаниям учёного сообщества на автономность и самоуправление, но не помешал науке вполне успешно развиваться. Таким образом, именно в период кризиса 1917–1922 гг. была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики по производству знания и организована сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование и развитие науки и образования до настоящего времени.

При выполнении этого проекта был накоплен многослойный материал, который подтверждает авторскую гипотезу о модели советской науки. Тем не менее Э. И. Колчинский, говоря о роли науки в победе в Великой Отечественной войны, вполне резонно заметил, что надо учитывать факт, что победа ковалась в «шарашках», изобретенных Л. П. Берия для экстремальных условий войны, и поэтому следует конкретно подсчитать цену победы и потери научного сообщества от работы в извращенных формах, надолго укрепившихся в советской науке, исключавших научную экспертизу и деятельную кооперацию. Точно так же созданная сеть научно-технических учреждений, долгожданная мечта ученых России, подверглась радикальным деформациям уже в условиях «культурной революции» 1928–1932 гг. Не говоря уже о «Большом терроре» конца 30-х годов, нанесшем сокрушительный урон выросшему научно-техническому потенциалу страны. Наука встретила Великую войну так же, как и обезглавленная Красная Армия. Американский историк науки Лорен Грэхэм заметил, что многие достижения советской науки быстро сгорели в пламени «перестройки». Всё это обязывает нас, строя модели и тренды советской науки, тщательно и осмотрительно искать новую убедительную аргументацию, как это делал наш незабвенный коллега Э. И. Колчинский.

Received 14.02.2021

Accepted 05.03.2021